

Элегантная классика

Настроения

Луиза Мэй
Олкотт

Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
О-54

Louisa May Alcott
MOODS
1864

Перевод с английского
Антонa Иванова и Анны Устиновой
Литературный редактор *Анна Матвеева*
Дизайн серии *Яны Паламарчук*
Художественное оформление переплётa
Натальи Каптыкиной

Олкотт, Луиза Мэй.

О-54 Настроения / Луиза Мэй Олкотт ; [перевод с английского
А. Иванова, А. Устиновой]. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с. —
(Элегантная классика).

ISBN 978-5-04-234410-7

«Настроения» — роман американской писательницы Луизы Мэй Олкотт, впервые опубликованный в 1864 году. История взросления Сильвии Юл, молодой женщины, пытающейся справиться со взлетами и падениями взрослой жизни и найти свое место в мире. На протяжении всей книги Сильвия переживает целый спектр эмоций и настроений, — любовь, ревность, грусть и счастье, отсюда и название книги — «Настроения».

Сильвия Юл, молодая девушка из благополучной семьи, живет размеренной жизнью со своей сестрой Прю и братом Марком. Но все меняется, когда она знакомится с двумя мужчинами: поэтом Джеффри Муром, чувствительным и преданным, и Адамом Уориком — страстным, загадочным человеком с темным прошлым. Сильвия сначала воспринимает Мура как друга, не замечая его любви, в то время как Уорик пробуждает в ней глубокие, смутные чувства. Марк и его друзья организуют путешествие по реке, во время которого Сильвия сближается с обоими мужчинами, но особенно с Уориком, чья сила и независимость завораживают её.

Мур признается Сильвии в любви, но она отвергает его, считая, что испытывает лишь дружескую привязанность. Позже она узнает, что Уорик помолвлен с другой женщиной, Оттилой, что вызывает в ней ревность и боль. Сильвия решает принять предложение Мура и выходит за него замуж, надеясь найти покой в его нежной любви. Однако после свадьбы Уорик возвращается в ее жизнь, и между ними вспыхивает страсть. Сильвия понимает, что ее чувства к Уорiku сильнее, чем к мужу, и оказывается перед мучительным выбором между долгом и желанием.

Впервые переведено на русский язык.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-234410-7

© Иванов А.Д., Устинова А.В., перевод
на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Жизнь — это нить, на которую на-
низаны бусины настроений, и когда
мы охвачены ими, они оказываются
цветными линзами, что окрашивают
мир каждая в свой оттенок, являя нам
только часть его, ограниченную ее фо-
кусом.

Эмерсон

ГЛАВА I

Через год

Комната выходила на запад, но этим вечером су-
мерки явно не пожелали одарить ее своим безмя-
тежным очарованием. От черной тучи с красной
каймой в окно проникли густые тени. Они заполнили все
пространство и затаились по углам, будто шпионы, послан-
ные для слежки за человеком, который стоял среди них
так безмолвно и неподвижно, что сам был похож на тень.
Взгляд его, настороженный и ожидающий, то и дело обра-
щался к окну, но за ним ему открывалась лишь тропически
пышная листва. Ее чуть колыхал душный воздух, больше
гнетущий, чем освежающий из-за своей перенасыщен-
ности ароматами. Столь же настороженно, как и смотрел,
мужчина прислушивался, не улавливая ничего, кроме
смешения голосов, топота ног, звона колокола и прочих
звуков суматошного города, которые вторглись из суеты
дня в ночь, лишив ее покоя. Тем не менее он по-прежнему

смотрел, слушал и ожидал чего-то, и вскоре оно случилось. Бриз-невидимка пронесся к нему сквозь необъятную ширь Атлантики и заключил в дружеские объятия его тоскующее по дому сердце. Мужчина высунулся далеко из окна, раздвинул ветви с густой листвой, вдохнул целительный ветер, и сердце, громогласно бившееся в груди, как огненно-красная птица о прутья клетки, утихомирилось, а душа начала наполняться бодростью, которую он считал для себя навсегда потерянной.

В комнате за его спиной тем временем вспыхнул свет, его сияние уничтожило все до единой тени, но он, ничего не заметив и не расслышав шагов, нарушивших тишину, даже не повернулся навстречу женщине, которая ожидала встречи с возлюбленным. От всего ее облика веяло атмосферой роскоши. И вошла она в комнату, как драгоценный камень, посчитавший ее для себя подходящей оправой. Все в ней выдавало прилежную ученицу мира, до того хорошо усвоившую его уроки по части эффектной подачи собственной внешности, что искусство это превратилось в ее вторую натуру. Платье из муслина теплых тонов каждым своим легким колыханием подчеркивало красоту фигуры. Жесты ее были выверены до безупречного изящества. Смуглое лицо с тонкими чертами походило на благородную бронзу. Низкий лоб обрамляли волнистые волосы. В глубине глаз таился огонь. Надменный рот был словно специально создан для ласк и приказов. Глядя на молодого человека возле окна, она какое-то время молчала. На лице ее промелькнули гордость, негодование, нежность и наконец утвердилось уверенная улыбка, с которой она и подошла к нему, произнеся тоном, весьма характерным для языка влюбленных:

— Всего только месяц, как мы помолвлены, а ты уже так холоден и мрачен, Адам.

Чуть отшатнувшись и поглядев на нее хоть и с тщательно подавляемой, но все же мелькнувшей в глазах неприязнью, Уорик откликнулся сардоническим эхом:

— Всего только месяц, как мы помолвлены, а ты тем не менее так влюблена и ревнива, Оттила.

Холеная рука, не дрогнув от таких слов, заключила его в плен объятия, прекрасное лицо, игнорируя холод ответного взгляда, потянулось к нему.

— Ты ведь... меня ожидал увидеть, когда обернулся с такой надеждой в глазах и желанием? — с уверенностью и, одновременно с этим как будто пытаясь его убедить, спросила она.

— Нет.

— Значит, друга более прекрасного и близкого?

— Да.

Черные брови ее угрожающе изогнулись, губы сжались, глаза заблестели, рука обхватила его крепче прежнего, а голос, только что вкрадчивый, зазвучал повелительно:

— Назови имя, Адам.

— Самоуважение.

Она тихо рассмеялась. Жесткость с ее выразительного лица ушла, уступив прежней нежности, которой снова исполнился взгляд. Вот только ей было решительно непонятно, отчего он-то смотрит на нее с таким укором.

— Я ждала два долгих часа. Странно, любимый мой, что ты не встретил меня как-нибудь подобнее.

— Зато я никогда не был так искренен. Как, Оттила, по-твоему, следует поступить человеку, если ему вдруг сделалось ясно, что он малодушно принял решение опрометчивое или вовсе жестокое? Как следует ему дальше себя повести?

— Раскаяться и начать вести себя по-другому. Нужно ли мне такое тебе объяснять?

— Я раскаиваюсь, но сможешь ли ты мне исправиться?

— Признайся мне во всем, дорогой грешник. Я тебя исповедую и отпущу грехи прошлого, какими бы тяжкими они ни были.

— То есть не существует ничего такого, на что бы ты не смогла пойти из любви ко мне?

— Я на все ради тебя готова, Адам.

— Тогда верни мне свободу. — И, встав очень прямо, он простер к ней руки в мольбе исполнить его желание.

Она отшатнулась, как от удара. Улыбку стерло с ее лица. В глазах мелькнул страх.

— Ты это всерьез? — сурово осведомилась она.

— Совершенно. Сейчас, окончательно и навсегда.

Размахнись и ударь он ее, она бы перенесла это легче такого ответа. На мгновение застыв, как перед внезапно разверзшейся пропастью, которую невозможно преодолеть, Оттила затем с такой силой вцепилась в его простертые руки, что они побелели.

— Нет! Я не сделаю этого! Я так долго ждала твоей любви, что не могу от нее отказаться! — выкрикнула она.

Происходящее представлялось ей невероятным, Уорика же ее протест побудил к еще большей категоричности. И, оттолкнув ее от себя, он произнес тоном очень суровым, каким говорят, когда опасаются вселить хоть тень напрасной надежды:

— Ее у тебя никогда не было, поэтому и отказываться тебе не от чего. Нет, подожди возражать, сперва выслушай. Не потерплю уговоров, которыми ты попытаешься сбить меня с пути. Я тебе сейчас все выскажу с полной определенностью. Хватит иллюзий. Достаточно нам таиться и друг от друга, и от самих себя.

— Адам, как ты жесток!

— Пусть лучше я покажусь жестоким, чем буду вероломным. Предпочту ранить сейчас твою гордость, чем потом твое сердце, когда ты слишком поздно поймешь, что женился я на тебе без доверия, уважения и любви. Выслушай хоть раз в жизни правду, настолько ясную, насколько ее можно выразить словами. Узнай меня с лучшей и худшей моей стороны. Пойми, что в тебе мне открылось. Оглянись на прошлую нашу жизнь. Посмотри вперед. И если найдется в тебе хоть капля искренности, ты будешь вынуждена признать, что толкаешь меня на несправедный путь. Воздействуя на мои низменные инстинкты, ослепляешь меня. Заставляешь видеть в тебе человека иного, чем ты есть на самом деле, верить в благородство твоих устремлений, которых на самом деле нет. Мыслимо ли на такой основе строить прочное счастье?

— Продолжай. Я внимательно тебя слушаю.

Сознавая, что больше не в силах полностью управлять его волей, она посчитала за лучшее склониться перед ней ради своей любви к нему.

По лицу Уорика скользнула презрительная улыбка. Он поймал взгляд Оттилы и быстро продолжил, не делая пауз для выбора слов помягче и не смягчая остроты ситуации, ибо, наоборот, вдохновлялся решимостью назвать наконец вещи своими именами, хотя, даже резко обрушиваясь на сладкую фальшь, которой Оттила так долго его обволакивала, не утрачивал пылкого сердца и душевного благородства.

— Я мало о таком знаю и еще меньше склонен узнать, но, думаю, немногие влюбленные прошли через то же, что мы с тобой, или нечто похожее. И женщин столь властных, как ты, мне встречать никогда еще не приходилось. Я тоже из тех, кто привык руководствоваться только собственной

волей. Это главная сила, которой мы с тобой в равной степени обладаем. И, как короли с королевами оставляют на время титулы за порогом личных апартаментов, давай-ка и мы сейчас снимем маски и предстанем друг перед другом такими, как нас видит Бог. Наша помолвка должна быть расторгнута, и, позволь, я тебе сейчас объясню почему.

Три месяца назад я приехал сюда, спасая разум и кровь от холода арктической зимы, но мне стало от этого только хуже. Огонь, разведенный в попытке растопить лед, выпаривает из меня добродетель, я лишусь ее окончательно, если немедленно не погашу пламя. И я намерен его погасить. Потому что приверженность заповедям ничего не стоит, если в душе ежедневно их нарушаешь.

Он умолк, будто бы умиряя великодушием слишком яростные слова, которые едва не произнес, и, когда снова заговорил, в его голосе слышалось больше укора, чем гнева.

— До знакомства с тобой, Оттила, я любил из всех женщин на свете одну только мать. Расположения прочих не добивался. Обходился без дружбы с ними и без любовниц. Вел жизнь аскетичную, как монах. Довольствовался свободой своей и работой. Позволь же и дальше мне сохранить независимость. Разве мало вокруг мужчин, которым, в отличие от меня, духовное рабство не покажется тягостным? Неужто лишь я один представляюсь тебе достойным неукротимой твоей жажды власти?

— Разве я добивалась тебя, Адам?

— Да. И вынужден отдать должное твоему искусству скрытого покорения. Ты избегала меня, вынуждая искать тебя и спрашивать почему. Беседы, которые у нас завязывались как бы сами собой, были полны виртуозных женских уловок. Ты с настойчивостью завоевателя приманивала меня множеством средств. Вела себя со мной так, что

встречи с тобой стали казаться мне освежающим ветром в душном климате страстей. Скрывая истинную свою суть, прикидывалась человеком, который мог меня неизбежно расположить. Мои убеждения ты встречала восторженно. Поддерживала мои амбиции с таким сочувствием, что твоя искренность не вызывала у меня сомнений. Делала вид, будто так же, как я, презираешь фальшь. Ты казалась очень серьезной и жаждущей поступать правильно. Идеальной спутницей для мужчины, который ищет себе не игрушку, а соратницу. Сколько же воли, ума, сил и выдержки тебе потребовалось, чтобы осуществить такой план. Как хорошо изучила ты добродетели, наличие у себя которых так умело разыгрывала. Сложись по-другому, не оказался бы я в таком положении, как сейчас.

— Твоя похвала мной заслужена, несмотря на то, что высказываешь ты ее далеко не почтительно.

— Больше похвал не будет. А если я непочтителен, то потому, что презираю обман, в который ты хитростью заманила меня, заставив впервые с презрением отнестись к самому себе, и напиток этот горек. Прислушайся же, отнесись к словам моим как к моему оправданию и одно учти, а другое прими. Ты действительно мне представлялась такой, какой хотела казаться, пока под неискренним твоим дружелюбием мало-помалу не начала проглядывать истинная твоя цель — покорить, подавить, сделать мужчину безропотной своей собственностью. Ты пленяла мой взгляд своей красотой, слух — мелодичностью своего голоса, гордость — тонко сплетенной лестью. Мне становилось все интереснее с тобой. Я гнал от себя призыв лучшей части своей: «Уезжай!» — и по-прежнему оставался. Ты же исподволь, осторожно подводила к решительному удару, когда, будто бы принося как великую жертву девичью свою

скромность, призналась в любви ко мне, которую больше не можешь таить. Точно вишенкой увенчала готовый торт.

Смуглые щеки Оттилы заалели краской стыда, в глазах блеснул гнев, и она, не сумев сдержать свой мятежный дух, ответила:

— Тогда получи от меня своим же оружием — голой правдой. Твоя непокорность была так сильна. И да, я старалась намеренно. Старалась ее потушить всеми силами.

— Правда так правда, — откликнулся Уорик. — Смотри же и на меня, в лучшем и в худшем виде.

И, бросив с восхитившей Оттилу отвагой себе под ноги гордость, он заставил ее понять, что она теряет его именно из-за своей неспособности к тому же.

— Не стану прикидываться и отрицать очевидное. Напротив, искренне признаю вопреки тому, что всегда считал себя сильной натурой: чары твои меня покорили. Узнай, к своему удовольствию, сколь для меня ни трудно такое произнести, а еще труднее — чувствовать. Протягиваю тебе свою откровенность как милостыню, но помни: мы вместе остались в проигрыше. Ведь из всех чувств, что питают твое бурное сердце, самое сильное у тебя ко мне, оно-то тебе и станет возмездием. Ты сама его навлекла. Окрыленная первым успехом, который показался победой, ты слишком быстро забыла об образе, в который сперва так тщательно облачилась — чтобы привлечь меня. Я показался тебе уже достаточно ослепленным любовью, но любви-то не было, и этот последний месяц дал мне возможность попросту разглядеть тебя истинную. Женщину сильных страстей и слабых принципов. Жаждущую любви и сосредоточенную на удовольствиях. Искусную лгунью, с легкостью подавляющую в себе лучшие, но запущенные качества души. Оттила, я не верю тебе. Не уважаю себя за ту страсть, которую ты

во мне пробуждаешь. И решительно не готов подчиниться власти, которую ты пытаешься надо мной утвердить.

— Ты уже не сможешь без нее. Слишком поздно.

Едва эти слова сорвались с ее уст, как она осознала их опрометчивость. Строгое и серьезное лицо Уорика полыхнуло негодованием, кулаки добела сжались. В глазах сверкнул стальной блеск. Губы скривились, как в сожалении о допущенной прежде слабости. И голосом, нарочито тихим, за которым прятался обузданный гнев, он произнес:

— Слишком поздно? Ну нет. Пусть даже бы нам предстояло час спустя венчание, я все равно бы решился нарушить клятву, и Бог бы меня простил. Потому что никто не имеет права обречь себя на пожизненную ложь. Ты превращаешь мой отказ от такого проклятия в тяжелую битву. Ладно, коль дружба твоя со мной нечестна, а вражда лишена великодушия. Вынужден выбирать с боем из западни, раз уж в нее угодил, и сделаю это. Мир достаточно полон дьявольских козней, чтобы мы с тобой добавили к ним еще и свои.

— Ты не сможешь уйти с честью, Адам.

— Я не смогу остаться с честью, Оттила. И не испытывай слишком мое терпение. Хочу сохранить справедливость. Признаю, что был слаб. Разве этого тебе не достаточно? Готов к любым твоим упрекам. Обрушь на меня свой гнев, если гневаешься. Взывай к сочувствию тех, кто расценивает ситуацию по-другому, чем я. Сокрушайся. Брось вызов. Я все стерплю и пойду на любую жертву, но тверд в стремлении расстаться с тобой. Ибо есть для меня закон выше тех, по которым живет твой мир, и мне следует подчиниться ему как ради себя, так и ради тебя.

Он признавался ей благородно в собственной слабости, отдавал дань ее силе, а она смотрела на него, с болью осознавая, что сама оказалась под властью куда мощнее той, от

которой ему не терпелось спастись. Ибо попала в сеть, собою сплетенную, и этот мужчина стал для нее не рабом, а желаннейшим повелителем. Неужто чересчур поздно пытаться его удержать? Она понимала: любые мольбы будут тщетны. Слезы пролить, что воду на камень. И мастерством, которым она когда-то его покорила, ныне уже ничего не исправишь. Уорик слишком хорошо научился ее читать. И теперь, когда маски, все до одной, сорваны, единственная ее защита — невозмутимость. А единственное оружие — запоздавшая откровенность.

Ей хватило ума для трезвой оценки сил и мудрости, она сумела правильно ими воспользоваться, благодаря чему кое-какие утраченные позиции были ею возвращены и появилась надежда, что остальное отвоюет безмолвный труд красоты.

— Я тоже хочу сохранить справедливость. — Она устремила на него взгляд, чуть померкший от непролитых слез. — Не упрекаю, не сетую, не бросаю вызов, а просто вверяю судьбу свою в твои руки. Все, что ты обо мне сказал, верно, но помни о милосердии и поверь: в двадцать пять лет не поздно еще измениться, пробудить лучшие свои качества и избавиться от дурных, которые принесли мне скверное воспитание и сиротство. Ты же сам признаешь во мне сильную волю и жажду победы. Разве не хватит у меня сил стать на самом деле той женщиной, какой я тебе представлялась? Любовь способна на чудеса гораздо более удивительные. Так что ж мне помешает? Тем более я ведь и прежде жаждала стать правдивее и лучше, чем есть. Чувствовала, что понапрасну растрачиваю свою жизнь. Жила подспудно во мне другая натура. Но не было рядом со мной никого, кто мог своими мудрыми советами пробудить мою душу. И вот наконец появился ты. Удивительно ли, что я старалась тебя присвоить, Адам? Тебя, который,

будучи рядом, становится миссионером любому, кто блуждает во тьме, не в силах выбраться к свету истины. Тебя, способного за коконом нищеты увидеть богатую душу. Я нищая в твоих глазах? Так протяни же мне руку и спаси от себя самой.

Ее призыв к милосердию оказался тем самым выпадом, что единственный был способен найти уязвимое место в броне его гордости. Но даже пробив своим разящим клинком доспехи презрения Уорика, Оттила не одержала победы. Потому что важнее милосердия Адам Уорик считал справедливость, к голосу разума прислушивался внимательнее, чем к порывам сердца, и наиболее достоверными ему представлялись выводы, вынесенные из опыта, а они обличали в Оттиле женщину, очень далекую от его ожиданий. Все в ней было наигранно. Благородство стремлений, столь естественное для многих, она лишь изображала. Старательно потрудилась над образом, но от сути ее он был далек, и рассчитывать на долгосрочное счастье с ней ему, Уорику, не приходилось, да и Оттила вряд ли с ним будет счастлива. К выводу этому он пришел в час спокойных раздумий, и потому сейчас его не могли поколебать даже самые хитроумные атаки.

— Могу предложить тебе только тот горький напиток, что выпил сам, — мягко, но с прежней непреклонностью отозвался он. — Моя воля и сила от него окрепли. Готов чем хочешь помочь, прощаю от всего сердца, но не смею на тебе жениться. Нас связывает одна лишь страсть без любви. В чувствах твоих нет тепла добродетели. А ведь именно этот дар делает женщину не только желанной, но и уважаемой. Для меня он превыше молодости, красоты и всех мирских благ. Я должен чтить женщину, на которой женюсь. Чувствовать к ней привязанность, пробуждающую во